

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ: АЛЬТЕРНАТИВА ПОНИМАНИЯ

Дискуссия о новом понимании политической экономии социализма, начатая в журнале «Вопросы экономики» № 2 за 1990 г., вряд ли сможет пройти мимо категории «частная собственность». Для этого есть причины и теоретического, и сугубо практического характера.

Теоретический аспект весьма тесно связан с известной формулировкой, содержащейся в «Манифесте Коммунистической партии»:

«...Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением:

уничтожение частной собственности»¹. Следовательно, именно тем, как понимаются частная собственность и процесс ее уничтожения, определяется и вся наша точка зрения на социализм.

Практический аспект нагляднее всего проявился, пожалуй, в дискуссиях наших законодателей относительно законов о собственности, о земле и землепользовании. Именно частная собственность, в том числе и на землю, стала одним из основных пунктов, по которым разошлись мнения союзного и республиканских (в том числе и российского) Верховных Советов.

Есть и еще один аспект — идеологический, который в нашем обществе никак нельзя упускать из виду, ведя разговор о частной собственности. Нередко задается риторический вопрос: «А вы народ спросили, хочет ли он частную собственность?» Видимо, предполагается при этом, что народ частной собственности не хочет, что он знает, что это такое, что его действительно можно спросить и что ответ будет точным, отражающим коренные интересы народа, а не его настроения в нынешних условиях.

Рискну предположить, что не только широкие массы населения, но и мы, экономисты, не вполне точно представляем себе частную собственность. И не только потому, что в нашей стране ее трудно было длительное время наблюдать, но и потому, что наследие К. Маркса на этот счет неоднозначно, допускает весьма различные, если не противоположные, трактовки. Одна из них, *субъектная*, тяготеет к отождествлению частной и индивидуальной собственности безотносительно к типу производства жизни собственников; вторая, *функциональная*, жестко связывает феномен частной собственности с товарным типом производства.

Прежде всего отметим, что отождествление частной собственности с индивидуальной действительно имеет место на всех уровнях общественного сознания. В обыденной речи, например, выражения типа «частник», «частный сектор» устойчиво применяются именно к индивидуальным собственникам легковых автомашин, жилых домов, причем независимо от того, используются ли эти предметы для получения дохода или применяются их обладателями непосредственно для удовлетворения сугубо личных нужд.

В учебной литературе обычно указывается, что собственность на предметы потребления является индивидуальной (личной), а не частной, что частной может быть собственность только на средства производства материальных и других благ. Так, например, утверждаем «*Частная собственность выражает присвоение средств, значит, и результатов производства отдельными лицами — собственниками этих средств*»². Как видно из приведенного определения, авторы учебника строго придерживаются субъектной трактовки того, что частная собственность: а) есть собственность именно индивида, а группы, коллектива, государства; б) к товарному производству никакого отношения не имеет. В дальнейшем авторы того же учебника по политической экономии в его теперь уже двухтомном варианте со возмож-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 438.

² Политическая экономия. Учебник для вузов. М.: Политиздат, 1988, с. 44-45

ным включить в личную собственность и средства производства, если они «служат для производственной деятельности, имеющей для ее участников вспомогательный характер»³. В остальном же сохранилось понимание частной собственности как собственности индивида.

Такое понимание частной собственности находит опору и в высказываниях К. Маркса. Так, образование акционерных обществ он квалифицировал как «упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства»⁴. На этой основе К. Маркс сделал далеко идущий вывод о переходном к социализму характере данной формы: «Капиталистические акционерные предприятия, как и кооперативные фабрики, следует рассматривать как переходные формы от капиталистического способа производства к ассоциированному, только в одних противоположность устранена отрицательно, а в других — положительно»⁵.

Учитывая роль, которую играют сейчас акционерные общества, корпорации в развитых странах, можно, по Марксу, говорить о посткапиталистическом или даже социалистическом их характере. И такие утверждения встречаются на страницах нашей печати. Особенно популярным стал «шведский социализм», хотя сами шведы отнюдь не считают свой строй социалистическим, а экономику свою называют смешанной. Так же, впрочем, как и экономику других развитых стран.

Мы тоже берем курс на смешанную экономику на основе рынка с массовым акционированием крупной собственности, но при этом, однако, провозглашаем верность «социалистическому выбору». Непонятно только, чем принципиально отличается то, к чему мы хотим прийти, от того, что уже имеется в рамках «капиталистического выбора». Представляется, что отождествление частной собственности с индивидуальной ведет, похоже, к теоретическому тупику в понимании реальное современной высокообщественной западной экономики и смысла работы по переходу к рынку.

Как уже отмечалось, функциональная трактовка жестко связывает частную собственность с обменом товарами как необходимым моментом производства жизни субъектов-собственников. На практике эта трактовка четко проявилась при обсуждении нашими законодателями вопроса о частной собственности на землю. Именно возможность купли-продажи земли рассматривалась всеми как атрибут частной собственности на нее в отличие от прав пользования и владения. Поддерживается такой подход и авторами упоминавшегося учебника. «В сельском хозяйстве особое значение имеет проблема собственности «на землю, ее продажи в частные руки»⁶. Наконец, в первом томе «Капитала» частная собственность совершенно определенно понимается необходимым условием товарно-денежных отношений: «Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых распоряжается этими вещами: таким образом, один товаровладелец лишь по воле другого, следовательно, каждый из них лишь при посредстве одного общего им обоим волевого акта, может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный. Следовательно, они должны признавать друг в друге частных собственников»⁷.

Но ведь товаровладелец не обязан быть индивидом, физическим лицом. Вполне достаточно, чтобы он был юридическим лицом. А в качестве такового может выступать и коллектив (артель, кооператив и т. д.), и государство, и транснациональная корпорация. Лишь бы появление на рынке было для них не случайностью, а жизненной необходимостью, моментом производства их собственной жизни.

С точки зрения именно функционального подхода кооперативы при капитализме трактуются как разновидность частной собственности, а передача фабрик и заводов в собственность работающих на них коллективов критиковалась В. И. Лениным как анархо-

³ Экономические науки, 1990, № 8, с. 8.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 479.

⁵ Там же, с. 484.

⁶ Экономические науки, 1990, № 10, с. 11.

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 94

синдикализм. И коль скоро мы взяли курс на рыночную экономику, то частная собственность станет у нас реальностью независимо от каких-либо опросов, референдумов, решений законодателей. Записав еще в «дородной» период перестройки в Законе о государственном предприятии, что оно не отвечает по обязательствам государства и других предприятий, а государство, в свою очередь, не отвечает по обязательствам предприятий, мы даже в отношениях между субъектами государственной собственности (пользователями и собственником) применили главный принцип частной собственности: каждый имеет обязательства перед другими и отвечает по ним своим собственным имуществом.

Почему же субъектная и функциональная трактовки так перемешались? Возможно, это связано с тем, что только разложение общей, общинной формы, переход к семейному типу натурального хозяйства, к парцеллам, впервые создают действительно массовую основу для развития отношений обмена. Собственно, и в современной капиталистической экономике частная собственность на рабочую силу—главную производительную силу общества — остается индивидуальной.

Следуя субъектной трактовке, можно прийти к тому, что современную западную экономику нужно было бы называть в политико-экономическом смысле «уже не капиталистической», не частнособственнической. Согласно же функциональной трактовке, наше движение от административно-командной системы к рынку надо было бы назвать движением к частной собственности, а не от нее, не «уничтожением». Получалось бы, что наша страна идет не к социализму.

Как же в таком случае должно уточняться политико-экономическое понимание социализма? Думаю, что отправным пунктом может стать десятый тезис К.Маркса о Фейербахе: «Точка зрения старого материализма есть гражданское общество, точка зрения нового материализма есть человеческое общество или общественное человечество»⁸. Иными словами, только по отношению к человечеству в целом можно говорить о социализме, о том действительном движении, которое коренным образом меняет теперешнее состояние.

Сейчас часто цитируют следующее положение из «Немецкой идеологии»: «Коммунизм для нас не *состояние*... не *идеал*...»⁹. Но оно постоянно отрывается от контекста, в котором, в частности, речь идет о том, что коммунизм вообще возможен только как «всемирно-историческое» существование, что всякое расширение общения упразднило бы «местный коммунизм», а сам такой коммунизм ведет лишь к всеобщему распространению бедности и, значит, возрождению борьбы между людьми за необходимые предметы, воскрешению «всей старой мерзости».

Как относятся друг к другу производство жизни отдельно взятого индивида и производство жизни человеческого рода в целом? Как в этом *производственном отношении* изживаются атавизмы биологической формы движения материи и оно принимает нормальную человеческую форму? Именно эти вопросы, как мне представляется, постоянно имели в виду основоположники марксизма в своей теоретической работе¹⁰.

У К. Маркса есть довольно строгая классификация производственных отношений между человеком и человеческим родом или, что то же самое, классификация форм общества, в рамках и посредством которых и происходит присвоение предметов природы. Форм, в которых в качестве крайних сторон выступают как раз люди и человеческий род.

Эта классификация включает три крупных блока базовых форм и несколько переходных. Исторически и логически к первому блоку относятся локальные общества, основанные на кровно-родственных общинах, ко второму—всемирное гражданское общество, основанное на рыночных связях самостоятельных субъектов, и к третьему — «обобществившееся человечество», то есть такой способ производства материальной жизни общества, при кото-

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 263.

⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 34.

¹⁰ «Прекращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек теперь — в известном смысле окончательно — выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 294).

ром каждый человек, каждый хозяйствующий субъект при принятии решений по присвоению тех или иных внешних предметов принимает во внимание не только собственные интересы или интересы «ближних», одновременно существующих субъектов, но и интересы «дальних», включая еще несуществующие поколения. К переходным между первым и вторым блоками К. Маркс относил общества, основанные на соседских общинах, различающихся степенью автономности в них семейного хозяйства (восточная, античная и германская), и базирующиеся на них азиатский, рабовладельческий и феодальный способы производства, а к переходной форме, между — вторым и третьим блоками — социализм. Нетрудно увидеть в перечисленных трех основных блоках натуральное, товарное и непосредственно общественное производство. Первый блок, или «первичную формацию», К. Маркс характеризовал с точки зрения присвоения как общую собственность, а второй блок, «вторичную формацию», — как частную собственность: «...Период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной собственности, от первичной формации к формации вторичной»¹¹. Продолжая этот ряд, третий блок, «третичную формацию» можно было бы определить как всеобщую собственность человеческого рода как целого, по отношению к которому каждое непосредственно хозяйствующее поколение выступает как своеобразный арендатор. «С точки зрения более высокой экономической общественной формации частная собственность отдельных индивидуумов на землю будет представляться в такой же мере нелепой, как частная собственность одного человека на другого человека. Даже целое общество, нация и даже все одновременно существующие общества, взятые вместе, не есть собственники земли. Они лишь ее владельцы, пользующиеся ею...»¹². Здесь частная собственность противопоставляется общей собственности, с одной стороны, и всеобщей собственности — с другой. Для привычного противопоставления «частная собственность — общественная, общенародная собственность» на данном уровне абстракции места не находится.

Какой же смысл вкладывал К. Маркс в эти два противопоставления частной собственности? Довольно простой, если смотреть на процесс присвоения как на процесс производства людей, общества, а не вещей. Общая собственность в данном случае означает, что жизнь каждого члена определенной общности, общины гарантируется самим фактом его принадлежности к ней практически независимо от того, что он может сделать для продолжения всей жизни общины. Естественно, при общей собственности отсутствует отчуждение человека от той общины, в которой он живет, но зато существует взаимное отчуждение самих общин как «локализованных микрокосмов» и их отчуждение от человеческого рода в целом. Жизнь таких общин связана с жизнью человеческого рода примерно так же, как жизнь отдельно взятого животного с жизнью соответствующего вида.

В противоположность такой общей собственности частная собственность означает, что жизнь каждого субъекта зависит исключительно от собственной активности, проявляемой в сфере производства материальных благ и в обмене ими с другими субъектами. Здесь уже отчуждение общин друг от друга и от человеческого рода переходит в самоотчуждение каждого хозяйствующего и присваивающего субъекта, которое выражается в добровольном отчуждении от себя результатов своей собственной деятельности, хозяйствования в обмен на присвоение результатов чужого труда для продолжения собственной жизни. Жизнь человеческого рода как целого при этом продолжает существовать как бы «за кадром», сама по себе.

Наконец, всеобщая, собственность в противоположность и общей, и частной снимает взаимное отчуждение жизней отдельных людей и человеческого рода на основе таких средств производства, которые исключают человека из непосредственного процесса изготовления материальных благ, необходимых для поддержания его жизни, и таких средств прогнозирования, которые позволяют оценивать весьма отдаленные в пространстве и во времени результаты предполагаемой деятельности.

¹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 404.

¹² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 337.

Конечно, в целом рассмотренный ряд типов собственности — общей, частной и всеобщей — образует во времени преемственную последовательность форм производственных отношений, соответствующих аналогичной последовательности развития средств производства (вещей) — ручных, машинных, автоматизированных. Опыт всемирной истории показывает эту преемственность довольно четко. Но XX век в данном отношении демонстрирует и нечто принципиально новое — взаимное переплетение, даже сращивание всех трех типов собственности в жизни одного и того же общества при довольно четком разделении функций между ними. Общая собственность, унаследованная от «первичной формации» (точнее, заново сознательно воссозданная), направлена на обеспечение социальных гарантий существования каждому члену соответствующего сообщества, как правило, отдельно взятой страны. Частная собственность направлена главным образом на обеспечение интересов самых разнообразных субъектов, в том числе и чисто юридических лиц, на которые в отличие от физических лиц социальные гарантии не распространяются. (Угроза исчезновения — хороший стимул развития именно для юридических лиц и плохой со всех точек зрения — для лиц физических.) Наконец, элементы всеобщей собственности, реализуемые главным образом в виде экологических институтов, все в большей степени обеспечивают интересы не только наших современников в отдельных регионах, но и других людей в гораздо более широких временных и пространственных масштабах.

К сожалению, более или менее согласованное, сознательно координируемое взаимодействие указанных трех базовых типов собственности существует пока лишь за пределами нашей страны.

Итак, по всем марксистским канонам страновой масштаб хозяйствования характерен лишь для добуржуазного, самое большее — для раннебуржуазного развития производительных сил. В том-то и состоит прогрессивная историческая миссия капитализма как развитой формы частной собственности, что он ломает все локальные границы натурального производства и формирует хозяйственное единство человечества в производстве материальных благ путем создания мирового рынка, охватывающего не только обмен результатами производства этих благ, но и его условия, прежде всего рабочую силу. Только после завершения этой всемирно-исторической миссии и на основе ее результатов возникают материальные предпосылки перехода к следующей общественной формации. Причем эта последняя с самого начала должна носить именно общемировой характер как одну из тех предпосылок, которые и формирует капитализм.

Можно ли сегодня утверждать, что уже существует единый мировой рынок рабочей силы? Думаю, что нет. Даже в странах Западной Европы такой рынок еще не вполне сформирован. Гипотеза о том, что капитализм XIX в. представлял собой лишь одну из фаз его становления, а его развитая форма образовалась в последнее время, сформулированная В. А. Медведевым, тоже фактически признает, что историческая миссия «вторичной формации» еще не выполнена. А раз так, то нет оснований локальные попытки насильственного упразднения частной собственности обозначать как явления, переходные к «третичной формации», то есть как социализм.

Как известно, К. Маркс считал, что победа социалистической революции возможна в группе капиталистических стран (Англии, Франции, Германии, США) при сохранении капиталистических порядков во всем остальном мире. В этом случае «остальной мир» избавляется от повторения уже пройденного пути и, минуя капитализм, идет к социализму с помощью рабочего класса промышленно развитых социалистических стран Западной Европы и Северной Америки. Думаю, что здесь К. Маркс, проявив естественное революционное нетерпение, отошел от собственного теоретического понимания исторической миссии капитализма. Если бы его прогноз оправдался, то это означало бы, что часть стран находится во втором переходном периоде (от капитализма к коммунизму), а другие — фактически в первом переходном периоде (от первичной формации к вторичной, от общей собственности к частной). Жизнь же пошла «по Марксу-теоретику»: капитализм продолжает выполнять свою историческую миссию — втягивать страны мира, волну за волной, во «вторичную формацию»,

в мировое общение на основе рынка.

В первой «волне» не спеша и сравнительно малой кровью прошли Нидерланды, Англия, Франция и США. Во второй «волне» уже вынужденно быстрым шагом шли Германия, Россия и Япония. Двум из них—Германии и Японии—удалось «пройти» пеной жестоких поражений в двух мировых войнах; третья — Россия — была обречена на неудачу, так как в обеих войнах ей приходилось быть союзницей победителей. Причем союзницей во всех отношениях неравной. Опыт движения второй «волны» надолго отбил у нашего народа охоту идти общим путем развития и направил его поиски как бы «в обход капитализму» якобы в соответствии с марксистским учением. Тем временем прошла уже и третья «волна» втягивания все новых стран в мировой рынок, причем уже без мировых войн, хотя и не без конфликтов.